

за укрепление сильной воинствующей церкви, опорой в борьбе с ее врагами. Поэтому у него сохранялись старые мысли о царе, не радящем о православии, мучителе, которому не нужно повиноваться.¹ Цари только тогда достойны уважения, когда они являются истинными божьими слугами.² Но мысли о „царе-мучителе“ уже не были центральными в сочинениях волоцкого игумена, поскольку теперь великокняжеская власть поддерживала его в борьбе с еретиками и с „удельным насильством“. Поэтому главное место в его последних творениях занимает мысль о необходимости подчинения власти великого князя. Иосиф Санин писал: „божественная правила повелевают царя почитать, не сваритися с ним... И еще когда царю и на гнев совратитися на кого, — и оне с кротостию и со смиреннем и со слезами моляху царя“. Эти слова относились к Серапиону, архиепископу Новгородскому, который, по мысли Иосифа Санина, должен был подчиниться воле великого князя и „иосифлянского“ собора. Далее он приходит к мысли о том, что царь является высшим судьей в церковных делах. Именно царю передано все церковное и монастырское, его „суд не посушается“.³

Если Иосиф Санин, обращаясь к Нифонту, епископу Суздальскому, называл его „главою всего“, то теперь буквально то же самое он писал великому князю Василию Ивановичу.⁴ Это, конечно, было чрезвычайно важным выводом из теории теократического характера царской власти. Непосредственным поводом для того, чтобы высказать эту мысль о предпочтительности царской власти над „святительской“, была ссора Иосифа Санина с Серапионом. В великом князе волоцкий игумен нашел защитника не только против удельного насильства, но и против самовластия новгородского архиепископа. Это было отходом от тех позиций, которые раньше разделял Иосиф Санин как ученик Геннадия, когда он говорил о преимуществе духовной власти над светской. Поэтому нам будут понятны слова Серапиона о том, что Иосиф Санин изменил царю небесному и перешел к царю земному.⁵

¹ „Царь злочестивый, не брегий о сущих под ним, не царь естъ, но мучитель и, — прибавляет Иосиф, имея в виду, вероятно, Серапиона, новгородского архиепископа, — иже епископ зол сый, не брегий о стаде, не пастырь естъ, но волк“ (XVI слово „Просветителя“). Ср. еще там же: „Всякий убо царь или князь, иже в небрежении живий и о сущих под ним не радя, а страха вышняго не бояся, слугу себе сатане сотворяет. Сего ради страшно и напрасно найдет на него гнев божий“.

² „Князи бо и судии и служители суть божии нарицаются. Аще ли же ни, то вместо чадо божих, чадо гневу нарекутся, понеже суд жесток бывает на великих“ (IV эпитимья; С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 231).

³ Послание к И. И. Третьякову. ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 231 об. — Эти слова Иосифа, по мнению Малинина, перекликаются с утверждением его младшего современника и идеологического соратника Филофея: „ты един православный царь... браздодержатель святых божих церквей“ (В. Малинин. Старец Филофей, стр. 536).

⁴ См. II послание „на еретики“: „тебе, государю, подобает о сем попешишь, — глава бо еси нам“ (ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 204). Малинин, характеризуя второе послание „на еретики“, писал, что Иосиф считал царя единственной опорой в борьбе с ересью, „с самой начальной поры вступления в борьбу с ересью“. Он ссылается при этом на послание волоцкого игумена к Нифонту. Если Иосиф считал, что казни и заточения являются главнейшими средствами в искоренении ереси, то, по мнению Малинина, „ясно, что с ересью может бороться только государственная власть“ (Старец Филофей, стр. 589—590). Здесь полнейшая путаница. Из послания Иосифа к Нифонту явствует, что именно последнего, а не царя, он считал своей главной опорой в борьбе с ересью: „Глава бо еси всем“. Что же касается рассуждений о „казнях“, то казни еретиков происходили в Новгороде по инициативе Геннадия еще до решительного изменения политики Ивана III.

⁵ ДРВ, т. XIV, стр. 192.